
Кубикулум
Незаконгенность
Seven B.

Reven Black

Кубикулум. Незаконченность

«Автор»
2026

Black R.

Кубикулум. Незаконченность / R. Black — «Автор», 2026

Элиас Верн пишет эти строки за тринадцать дней до того, как забудет, что написал их. В колледже Кальдервуд каждое слово имеет цену: за правду платят вкусом детства, за поражение — неделей памяти, за имя — жизнью. На полях его тетради кто-то дописывает за него строки его собственной рукой — раньше, чем случаются события. Один счёт здесь открыт с осени, и до Рождества Элиасу нужно узнать, чей он. И успеть дописать то, что не допишут за него.

© Black R., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Инкенскрипция 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Кубикулум. Незаконченность

Глава 1. Инкенскрипция

«Я, Элиас Верн, пишу эти строки за тринадцать дней до того, как забуду, что написал их».

Колокол разбудил меня внутри головы.

Я не сразу это понял. Сперва показалось, что на маминой кухне звенит чайник, а потом вспомнил: у меня нет ни мамы, ни кухни, я уже три дня живу в Кальдервуде, и чайник — это память из той, первой, жизни, которую полагается держать зашитой в подкладку куртки, как контрабандную книгу.

Звон продолжался. Он не усиливался и не ослабевал — просто был. Другие первокурсники в дормитории вставали молча. Нормальный человек спросил бы: «Что за звон?» — но никто не спросил. Я тоже. Это первое, что я усвоил в Кальдервуде: здесь не спрашивают о том, о чём все молчат. Молчание — тоже ответ, и притом самый информативный.

Инкенскрипцию назначили на полдень, в Большой зал, а накануне вечером списки раздали по комнатам: имена, курс, кафедра. Я нашёл свою строку и перечитал её трижды.

Верн Элиас. Выпускной поток. Кафедра Апокопы.

Переведён с первого. Это было видно любому: первокурсники шли сплошной графой, а моя строка стояла отдельно, со сноской мелким почерком: «по протекции». Кто такая протекция и какого она пола — я не знал. Точнее — не помнил. Разница между «не знаю» и «не помню» — вот о чём в этом заведении не принято говорить. Именно поэтому о ней стоило. Но не спрашивал никто, включая меня.

Люди моего курса смотрели на меня так, как смотрят на случайность в аккуратной арифметике: с любопытством, которое не принято показывать. Высокий переплётчик с обожжёнными пальцами прошёл мимо и сказал соседу негромко: «Переведённые не доживают до Рождества». Сказал без злобы. Как говорят о погоде. В Кальдервуде так говорят только о том, в чём уверены.

Зал выстроили не как для церемонии, а как для допроса: длинные ряды, узкий проход, наверху — галерея с единственной фигурой. Она не двигалась. Мне показалось, что это ректор — о нём все говорили, но никто не видел, — однако фигура отвернулась, и я понял: это просто манекен, мантия на раме.

Архивариус Ирод стоял внизу, у стола. Он был немолод и не стар — тот возраст, в котором лицом перестаёшь быть человеком и становишься должностью. Серые глаза неспешно ходили по залу, как кошка по знакомой комнате, и я поймал себя на том, что отвожу взгляд первым. Это было неправильно. Взрослые люди на церемонии не должны вызывать желание отвести глаза.

— Инкенскрипция, — сказал Ирод, и голос у него был такой, что зал затих быстрее, чем звенящая стена. — Триста лет назад перья здесь вытачивали из того, что находили под стенами колледжа. Потом перестали находить. Теперь вытачиваем из того, что оставляем сами. Не благодарите. Устойчивая традиция — это та, о которой нельзя спрашивать, почему она сложилась.

Он поднял первый ящик. В нём лежали перья — белые, слегка желтоватые, и если присмотреться, на каждом была тонкая природная зернистость, какой не даёт ни птица, ни дерево. Я знал, что это кость. Все знали. Ирод знал, что все знают, — и именно поэтому не сказал ни слова.

Перья не раздавали. Их ставили на длинный стол, а первокурсников выпускали по одному, чтобы перо нашло владельца, — так гласила инструкция. Я думал, это метафора. Это была вторая моя ошибка в Кальдервуде. Первая — что я проснулся в ожидании объяснений.

Первым шёл высокий с обожжёнными пальцами. Перо он взял с третьего раза: первые два, как рассказывали потом, «не легли» — рука сама их откладывала. Затем шла девочка с косичками — она взяла своё перо так быстро, что это было похоже на бегство. Я стоял в очереди и смотрел, как люди берут кость умерших студентов, и лица у всех были правильные: сосредоточенные, торжественные, чуть напряжённые. Правильные лица — тоже язык, и в Кальдервуде на нём говорят свободнее, чем на любом другом.

Потом позвали меня.

Я подошёл к столу. Перьев на нём оставалось около двадцати, и все они лежали одинаково ровно, так что это выглядело как насмешка: никакое перо не находит владельца, они просто лежат, а люди берут их, потому что ждать больше нельзя.

Я протянул руку к ближнему перу.

Перо откатилось к краю стола и замерло у самой кромки — так, что взять его было удобнее, чем любое другое. Я замер. Никто в зале, казалось, не заметил: очередь двигалась, Ирод что-то записывал в реестр. Но перо откатилось. Я был уверен на сто процентов и понимал, что уверен идиотски: кость не может катиться сама, это просто дрожь стола, сквозняк, я устал, я напуган.

Я взял его.

Оно не было ни тяжёлым, ни лёгким. Оно было правильным — словно в руке того, кто писал им всегда, а не сегодня. Пальцы легли в выемки, которых в кости быть не должно, и в голову пришла постыдная мысль: а вдруг это моё? Вдруг это перо из того студента, который «не дожил до Рождества», — и оно в курсе, что я тоже переведённый?

— Следующий, — сказал Ирод, не поднимая глаз.

Я отошёл от стола. Прошёл через зал. За спиной почудился вздох — короткий, облегчённый, как вздыхают, когда опасность миновала кого-то другого. Я не обернулся. Оборачиваться в этом месте не следовало: я ещё не знал этого правила, но тело уже начало его усваивать.

У выхода из зала меня остановила девушка с четвёртого места в очереди. Это была Аспазия Морт — я знал имя по спискам: староста курса, единственная, кому позволено не строить правильного лица. Она и не строила. Лицо у неё было сразу и тёплое, и внимательное, и я не знал, что из этого страшнее.

— У вас перо держится двумя пальцами, — сказала она.

— Я заметил. Я вообще в этом не силён. Это, кажется, видно.

— Выпускникам Апокопы не полагается быть «не сильным». Их выправляют к зиме. — Она говорила быстро и негромко, словно это не разговор, а подсказка, поданная в последний момент. — Держите тремя: большой, указательный, средний — опорный. Перо костяное — оно запоминает руку. Если запомнит неверную, придётся отдаиваться.

— Отдаиваться?

— Спрашивать у пера прощения. Это не шутка, — добавила она, потому что я, вероятно, плохо спрятал лицо. — Мастер переплётного дела научит. Он здесь единственный, кто умеет чинить такие вещи.

Она отвернулась, потом так же быстро повернулась обратно:

— И ещё. Если на исповеди попросят назвать то, что вы готовы отдать, — не называйте ничего дорогого. Перо слышит не слова, а цену. Называйте то, что готовы потерять на самом деле. Дешёвое. Пусть войдёт в моду говорить дёшево.

Она ушла, не назвавшись, хотя мы оба знали, кто она. Я стоял в коридоре с костяным пером в руке и понимал, что получил от этого разговора два противоречивых впечатления:

что мне помогли и что меня испытывают. В Кальдервуде, я уже начинал догадываться, эти два впечатления редко приходят поодиночке.

Вечером в дормитории мы сидели по кроватям, и высокий с обожжёнными пальцами — его звали Каспар — рассказывал то, что успел узнать за один день. Это было больше, чем узнаёшь за год в других местах.

— Колокол в стене, — сказал он. — Я спрашивал у сторожа, где он висит. Сторож ответил: колокол там, где звон. Я решил, что он издевается. Потом спросил у другого — второй ответил теми же словами, с той же интонацией. Не издевательство. Инструкция.

— Что за звон — такой же вопрос?

— Всё, что начинается со слов «что за» — не вопрос, а обвинение. Здесь за такие вопросы переводят на Кафедру Молчания. А после Молчания не переводят никуда.

Никто не засмеялся. В других местах такая фраза была бы шуткой, здесь она легла поверх одеял, как сводка погоды: вот так заведено, привыкайте, ночь коротка, звон не кончится.

Я лёг и положил перо на тумбочку. Оно лежало криво, чуть повернувшись остриём к двери, и в свете единственной лампы казалось светлее, чем было утром. Я смотрел на него, пока не уснул, и последнее, что успел подумать, было глупым и цепким, как всё, что приходит перед сном:

Оно нашло меня слишком быстро. Оно не искало — оно ждало.

Утром я записал это в конспект — не как мысль, а как учебное задание: «Чувства студента к инструменту». Здесь нельзя было писать правду открыто, и я уже начал учиться прятать её под видом заданий — сам того не понимая, что осваиваю главное ремесло этого заведения.

А на полях — там, где я ничего не писал, — мелким, почти невидимым почерком стояла строка. Почерк я потом ещё долго буду отказываться узнавать как свой.

«День первый. Я ещё не считаю. Но кто-то уже считает за меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.